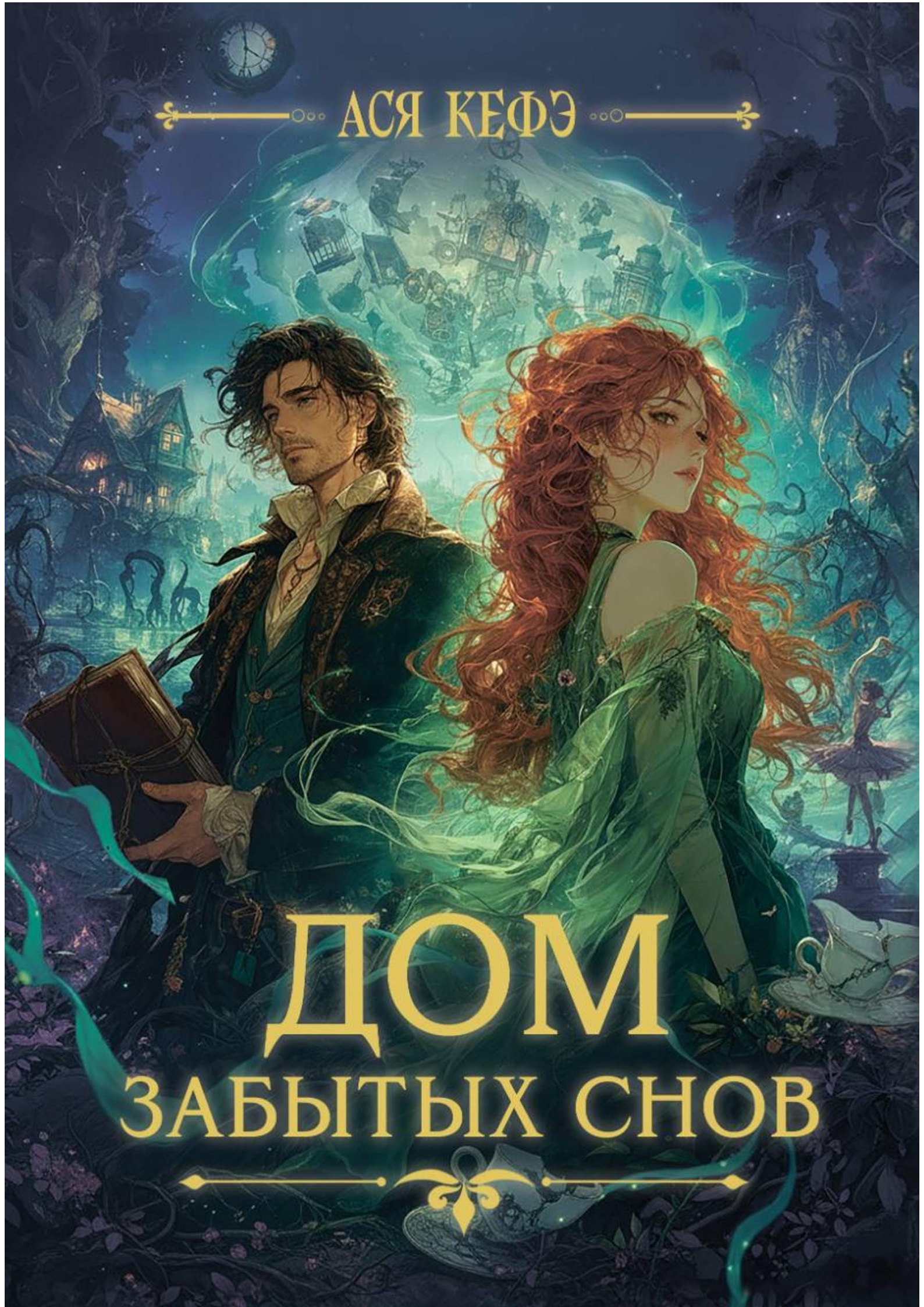

— АСЯ КЕФЭ —

ДОМ ЗАБЫТЫХ СНОВ

Ася Кефэ

Дом забытых снов

«Автор»

2026

Кефэ А.

Дом забытых снов / А. Кефэ — «Автор», 2026

Ян Стрелецкий вырос, но ощущение чужой жизни не отпускает. Его книги не издают, странные воспоминания преследуют, а в один из вечеров прошлое сбивает его с ног и швыряет в другой мир — в тело Сказочника. Здесь оживает всё, что он придумывает: сад, Нимфа, девочка Листочка, Пифундрик. Но в трещины этого рая просачивается Сущность, питающаяся вытесненными воспоминаниями. Появление Милены, девушки, сбежавшей от собственной боли, превращает сказку в поле битвы с виной и тенью. «Дом забытых снов» — книга цикла «Колодцы бесконечности», продолжение романа «Эгениум. Берег неотпущенных».

© Кефэ А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Хрустальный сумрак Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ася Кефэ

Дом забытых снов

Часть 1. Хрустальный сумрак Глава 1

Мужчина в кресле казался уставшим. Даже очень уставшим. Хотя нет, это было бы неверным суждением. Он казался потерянным. Так выглядят люди, которые что-то знали, но забыли. Это присуще старикам. А он был средних лет, в хорошем костюме, с лёгким запахом приятного парфюма. Руки спокойно лежали на коленях, не выдавая тревоги. И всё-таки что-то с этим мужчиной было не то, словно он тут и одновременно где-то ещё.

— Как давно вам снятся такие сны? — голос врача звучал глухо, будто издалека.

— Не знаю точно. Но иногда кажется, что они были со мной всегда. Хотя... нет.

Он замолчал и уставился вдаль, словно погрузился в воспоминания. Посидел так несколько минут, затем, очнувшись, продолжил:

— В детстве мне снилось, что я взрослый мужчина. Не помню деталей, но точно знаю: то место, в которое я попадаю во снах... я там уже бывал раньше. Каждый раз оно выглядит иначе, всё меняется вокруг, но я его узнаю. В детстве я был готов прогуливать школу, лишь бы найти укромный угол, чтобы уснуть и снова попасть в тот мир. Родители считали это чем-то неправильным, их это пугало. Меня водили по врачам, пытались понять причину этого недуга. Но ничего не помогало. А потом всё исчезло. Я засыпал и просыпался, но больше не попадал туда. Однажды даже наглотался таблеток. Мне казалось, что так я смогу уснуть *правильным сном*. Меня спасли. После этого я перестал экспериментировать, и жизнь постепенно вошла в обычное русло.

Мужчина опять замолчал, погружаясь в свои мысли.

— А потом, — снова начал он, — да, то, что ускользает от меня, и то, что я не могу никак описать. Я про это никому не говорил раньше. Просто, понимаете, в какой-то момент мне стало казаться, что я живу ещё где-то. Такой же город, мои родители, одноклассники, их зовут так же, как и моих друзей, но вот то, что происходило, было иным. Словно я живу и тут, и где-то ещё. Но потом и это исчезло. Институт, работа, семья. Я думал, что вырос, что это всё... ну... подростковое, что ли. И мне перестали сниться сны. Вообще. Я ложился. Закрывал глаза. Просыпался — было утро. И всё. Ничего не происходило. Но три месяца назад сны вернулись. Иногда я слышу в них странные голоса — они не похожи на человеческие. Я вижу города, построенные из света и тени. Там нет времени — только ожидание чего-то важного. Я снова стал ждать момента, когда усну и попаду в другую реальность. Я чувствую, что меня там ждут, как будто я там нужен.

— Хорошо, — кивнул доктор после короткой паузы. — Давайте пока не будем спешить с выводами. Начните с малого. Сразу после пробуждения записывайте всё, что вам удастся запомнить: образы, места, диалоги, сюжеты и любые другие детали, даже если кажется, что это бессмысленно или обрывочно.

— Хорошо, доктор. Спасибо, что выслушали.

Доктор посмотрел вслед ушедшему мужчине. Случай показался ему необычным — ничего подобного в своей практике он прежде не встречал.

«Нечто сплетает ваши воспоминания в тонкие нити», — эхом отозвалось где-то в сознании.

Доктор достал тетрадь и сделал несколько пометок.

Ян вышел из кабинета и направился домой пешком. Полчаса ходьбы оказались как нельзя кстати — нужно было проветрить голову. На улице смеркалось, моросил мелкий дождь. Свет фонарей отражался в мокром асфальте вытянутыми, бесформенными пятнами. Он шёл по пустым улицам, ощущая себя призраком среди теней. Даже дождь, казалось, сторонится его, не решаясь коснуться.

Сегодня в издательстве снова отказали: по словам главного редактора, его роману не хватало динамики, правила мира казались не до конца выстроенными, а у героев отсутствовал внешний конфликт и явное драматическое столкновение. «Наверное, сейчас время других историй. Ничего, мир подождёт. Да и я тоже», — думал Ян.

Вдруг за спиной послышались шаги. Ян ускорил шаг. Ему показалось, что тот, кто шёл за ним, не отставал. Вокруг было пустынно. «Чёрт, зачем я пошёл пешком», — мелькнула мысль. Внутри возникло знакомое липкое чувство страха — такое же, как в детстве, когда приходилось проходить через пустырь, где часто собирались старшеклассники и отнимали деньги у каждого, кто осмеливался идти по той дороге.

Случайный прохожий торопливо прошёл мимо, чуть задев Яна рукавом плаща.

— Бывает же... Причудится что-то, потом самому неудобно, — тихо усмехнулся Ян.

И в тот же миг внутри всё похолодело. Тени от фонарей вытянулись и зашевелились, окружая его плотным кольцом. Сердце забило чаще.

Он почувствовал прикосновение к шее — холодное, липкое. Чужое. Хотел закричать, но голос застрял в горле. Перед глазами маячила собственная тень, над которой нависло нечто огромное. Длинные руки, похожие на щупальца, скользили по его телу.

Ян замер, а затем, словно ощутив внутренний толчок, бросился бежать. Яркий свет фар пронзил туман, визг тормозов по скользкому асфальту противно зазвенел в ушах.

На мгновение показалось, что сейчас он проснётся. Но всё было слишком реальным. Или, может быть, он уже перешёл ту грань, где сон и явь меняются местами?

Сказочник проснулся от тянущего чувства голода и ледяного озноба, пробежавшего по коже. Он медленно открыл глаза и долго не мог понять, где оказался. В комнате царил густой полумрак — лишь лунный свет, просачиваясь сквозь мутное стекло, оставляя на полу бледные, неуверенные пятна.

Сказочник медленно сел на край кровати, прислушиваясь к себе. Всё было непривычно: ни знакомого скрипа матраса, ни отдалённых голосов за стеной. Вокруг стояла такая тишина, что он отчетливо различал собственное дыхание и редкий глухой треск старого дома. Где-то в глубине комнаты что-то едва слышно зашуршало — Сказочник вздрогнул, настороженно вглядываясь в окружающую темноту, в которой, казалось, могли прятаться чужие шаги.

«Где я? Кто я?» — прозвучало в голове, и в этот момент всё тело, охваченное тревогой, пронзила неконтролируемая дрожь. Он огляделся. Это был старый дом с высокими потолками и запахом времени, который невозможно спутать ни с чем. В углах лежал разрозненный хлам: огромные чемоданы, коробки, корзины и странные предметы, назначение которых Сказочник не мог понять. На стенах висели рамы, но картины внутри казались окутанными туманом — ни одного чёткого образа, лишь размытые очертания, которые потеряли всякую детальность, словно не успев оформиться в памяти.

Встав с кровати, Сказочник заметил в углу старую масляную лампу. Её стеклянный колпак местами был затянута патиной, а внутри плескались остатки маслянистой жидкости.

— Эту керосинку, должно быть, ещё можно зажечь... — подумал он вслух. — Но как?

Туман окутывал голову, мысли путались, мешая найти ответ. Он огляделся по сторонам в поисках спичек. Взгляд, неуверенно блуждающий по пространству, выхватил стол с печатной машинкой и подоконник, где стояла фарфоровая статуэтка, покрытая слоем пыли.

— Чей это дом?

В этот момент случайно задетая ногой детская погремушка, валяющаяся на полу, тихо звякнула, будто приветствуя нового жильца.

Сказочник провёл рукой по кровати и нащупал что-то мягкое. Это был старый плед с вытертыми краями, пахнувший лавандой. Он укутался в него, пытаясь согреться, и вместе с теплом остро ощутил на сердце непреодолимую тяжесть одиночества.

— Что это за место? — продолжал вопрошать он сам себя.

Внезапно керосиновая лампа зажглась сама собой, озарив комнату мягким, мерцающим светом, словно неведомая сила пробудилась в тёмной тишине и решила потревожить покой этого мрачного пространства. Пытаясь ещё больше закутаться в плед и укрыться от тревоги и страха, Сказочник ощутил, как быстро бьётся его сердце. Внутри него всё было напряжённо, и, казалось, дом тоже затаил дыхание. Собрав в себе всю решимость, он взял в руки единственный источник света и стал медленно идти по помещениям. Половицы скрипели под ногами так громко, что он невольно вздрагивал. Где-то за стеной слышался отчётливый звук шагов, будто кто-то одновременно с ним двигался по коридору. Заглянув в дверной проём, Сказочник увидел колыхание теней, исчезающих в полутьме.

Добравшись до входной двери, он дёрнул ручку, но та не поддавалась. Главный путь наружу оказался наглухо закрыт. Подойдя к окнам, Сказочник понял, что открыть их не сможет из-за конструкции рамы. Створки были скреплены металлическими зажимами, которые блокировали любое движение. Стёкла, словно вырезанные из однородного твёрдого кристалла, были грязными, будто их намеренно измазали, чтобы не позволить разглядеть то, что было по другую сторону стен дома. Создавалось ощущение, что внешний мир навсегда потерян за непроницаемой завесой.

Сказочник быстро вернулся в комнату и сел за стол, обхватив голову руками — она гудела, так, что казалось ещё чуть-чуть и она разлетится на кусочки. В памяти вспыхивали обрывки прошлого: чей-то голос, запах свежего хлеба, тёплая ладонь — но всё это тут же исчезало, как только он пытался ухватить детали.

В свете луны он заметил листок бумаги и стакан с карандашами. В животе заурчало — почему-то очень захотелось молока. Не осознавая своих действий, Сказочник взял карандаш и машинально нарисовал чашку. Внезапно лунный луч замерцал, и на столе появилась настоящая кружка, наполненная молоком, от которого поднимался лёгкий пар.

Он замер, не веря своим глазам. Осторожно сделал небольшой глоток — молоко было настоящим.

— Это не может быть правдой...

В этот момент комната наполнилась ароматом свежей выпечки, и рядом на столе появилась маковая плюшка.

Страх не исчезал, но тепло пледа и вкусная еда ослабили его хватку, позволив ненадолго успокоиться. В душе зарождалась надежда, что всё не так уж страшно, как казалось вначале.

— Это всё моё воображение или просто бред? Может быть, я умер и так выглядит жизнь после смерти? Но я чувствую голод и холод, я сейчас пью молоко, значит всё-таки живой, — взволнованно размышлял Сказочник, торопливо откусывая от маковой плюшки большие куски и жадно запивая их молоком, словно пытаясь тем самым доказать себе, что всё, что сейчас происходит всё-таки реально.

Он сосредоточенно всматривался в предметы, наполнявшие дом: комод, сундук, старинное трюмо и другие антикварные вещи, многие из которых были хаотично расположены по всему пространству.

Укутавшись в плед ещё плотнее, Сказочник почувствовал, как тело постепенно согревается, а зубы перестают стучать, отбивая нелепую чечётку. Тяжёлая усталость настигла прямо за столом, и, не в силах ей сопротивляться, он уснул, так и не поднявшись со стула.

В глубине дома что-то тихо и осторожно наблюдало за Сказочником, словно само пространство привыкало к новому обитателю.

Глава 2

Сказочник открыл глаза от мягкого, рассеянного света, пробивавшегося сквозь мутное оконное стекло. В доме по-прежнему царила тишина — уже не пугающая, а настороженная, словно это дом затаился и внимательно следил за каждым его шагом.

Сколько времени прошло после той ночи, когда он впервые оказался в этом месте, Сказочник не знал. Дом оставался закрытым, будто намеренно отрезанным от всего остального мира: двери не поддавались, окна не открывались, а за затуманенным стеклом по-прежнему не было ни движения, ни света, ни намёка на чьё-то присутствие. Никто не приходил, не звал, не отзывался — ни голосом, ни знаком. Казалось, пространство нарочно хранило молчание, и это молчание становилось ещё одним замком, надёжнее любых засовов.

Сначала возникали мысли, что всё это затянувшийся сон. Потом он думал, что сошёл с ума. А затем Сказочник решил принимать происходящее за галлюцинацию наяву, потому что иной версии попросту не оставалось. Но она была слишком устойчивой, слишком подробной, чтобы рассыпаться, как обычное видение. Он просыпался, засыпал, снова просыпался — но ничего не менялось. И всё же это постоянство, а также тот факт, что каждый раз, когда он чувствовал голод, рядом появлялись чашка с молоком и маковая плюшка, странным образом заставляли верить: когда-нибудь этот цикл завершится настоящим пробуждением, ведь ничто не может повторяться бесконечно.

Сказочник обвёл взглядом комнату и окончательно проснулся: «Это всё-таки не сон... Или я снова в нём...» Он поправил сползший плед, закутался сильнее — в доме было прохладно — и направился к двери. С силой дёрнув ручку, снова убедился: дом намертво закрыт.

Каждое пробуждение обычно сопровождалось паникой, которая гнала его по дому, заставляла снова и снова прокручивать одни и те же мысли и совершать одни и те же, по сути, бесполезные действия: пытаться открыть дверь, разбить окно, хлестать себя по щекам в отчаянной надежде проснуться окончательно или хотя бы вернуть контроль над происходящим.

Но сегодня что-то изменилось. Внутри появилось странное спокойствие — смирение с тем, что он не в силах ничего изменить. Но в этом смирении и принятии было хоть что-то, что отличало сегодняшний день от бесконечной череды предыдущих.

Дожевав остатки плюшки и допив молоко, Сказочник решил заняться хламом, которого в доме было слишком много. Перебирая коробки, он находил вещи, потрёпанные историей: фарфоровую чашку с трещиной, ключ от неизвестного замка, калейдоскоп. Все они казались частями чьих-то забытых жизней, рассыпанными по дому безо всякого порядка.

В одной из коробок нащупал перчатку. Та была неожиданно тёплой — будто её только что носили. Он засунул в неё руку и, ощутив, что внутри что-то есть, вытащил на свет сложенный вчетверо листок из школьной тетради. Сказочник осторожно развернул его.

«Не ищи выхода, пока не согласишься», — было выведено почерком, похожим на почерк подростка.

Он долго смотрел на записку.

— Кто это писал и кому? Если это мне, то во что я должен поверить? Или в кого? — спросил он, ощущая внутреннюю тревогу.

Сказочник спрятал записку обратно в перчатку, словно возвращая тому, кто её туда положил.

Скука и одиночество с монотонностью повторяющихся дней подтолкнули его наконец-то к тому, чтобы начать писать — не о себе, а о том, что могло бы скрываться по ту сторону этого пристанища. Сказочник сел за стол, взял лист бумаги и вывел первые строчки:

«За дверью раскинулся сад, где трава мягкая, как ковёр, а деревья тянутся к небу, словно хотят дотронуться до облаков. В воздухе пахнет свежестью и чем-то сладким, а где-то

вдали слышится журчание ручья. Свет мягко ложится на всё вокруг, не оставляя ни одной тени».

Он перечитал написанное, и вдруг показалось, что воздух в комнате стал чище, свежее, словно в него и правда проник запах мокрой травы после дождя. Сказочник продолжил писать:

«И в тот момент, когда воздух вокруг наполнился ароматом зелени и луговых цветов, неизвестно откуда появилось существо. Мохнатое, с густой мягкой шерстью, в которой можно утонуть ладонями. У него были огромные лапы с пушистыми подушечками, длинные уши, а глаза — круглые, янтарные, полные любопытства и доброты. Хвост — длинный, пышный, с полосками, как у енота, а походка — лёгкая, почти бесшумная».

Он поставил точку — и в тот же миг донёсся тихий, довольный, урчащий звук:

— Пиф... др-р-р...

Сказочник вздрогнул. Лист, от которого стал исходить мягкий свет, задрожал под его рукой, а из угла комнаты снова послышалось:

— Пиф... др-р-р... ик...

Сказочник не поверил своим глазам, когда из тени осторожно выбралось лохматое существо и, внимательно глядя на него глубокими, желтоватыми, словно солнце на закате, глазами, замерло. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, будто оба пытались понять, что именно сейчас произошло.

Существо первым нарушило молчание: тихо фыркнуло, отряхнулось и, мягкой поступью подойдя как можно ближе, осторожно ткнулось носом в ногу Сказочника. Он нерешительно провёл рукой по пушистой, удивительно мягкой шерсти. От неё исходил запах тёплого животного, сырой земли и сухого сена. Существо, прищурившись, довольно заурчало, обошло его кругом, обнюхало, заглянуло под стол и, наконец, уселось рядом, положив голову на колени.

— Ты настоящий? — прошептал Сказочник.

Существо подняло голову, посмотрело ему прямо в глаза и вдруг лизнуло в нос. Сказочник рассмеялся — впервые за долгое время.

— Пиф... Пифундрик! — сложил он слоги, и имя тут же прижилось, будто всегда предназначалось этому существу.

Сказочник осторожно потрогал мягкое ухо Пифундрика и улыбнулся:

— Ты ведь из моей сказки, да?

Пифундрик кивнул, его уши смешно затряслись.

— Как хорошо, что ты появился. Мне так хотелось, чтобы рядом оказалось живое существо. Я могу теперь разговаривать не только со стенами. Вот бы ты мог говорить... — произнёс задумчиво Сказочник.

Пифундрик внимательно посмотрел на него, потом вдруг негромко, немного хрипло, но вполне понятно, произнёс:

— Могу... если хочешь.

Сказочник от неожиданности подскочил со стула.

— Вот это да! — воскликнул он. — Значит, ты и правда настоящий!

Пифундрик довольно заурчал и потёрся головой о его руку.

— Я пришёл, потому что ты меня придумал.

— Спасибо, что пришёл, Пифундрик, — тихо сказал Сказочник. — Вместе нам точно будет веселее.

Пифундрик подошёл к выходу, встал на задние лапы и начал скрестить дверь массивными мохнатыми лапами, требовательно издавая:

— Пиф-пиф-др-р!

— Не стоит, Пифундрик, — мягко сказал Сказочник. — Эта дверь не открывается. Я уже пробовал.

Но Пифундрик не сдавался. Он снова заскрёбся в дверь, потом сел и посмотрел на Сказочника с таким упрямым и уверенным видом, что тот невольно засомневался.

— Ты уверен? — спросил Сказочник, подходя ближе и нажимая на ручку.

Пифундрик посмотрел на него снизу вверх, прищурился и тихо фыркнул:

— Главное, чтобы ты верил.

В этот момент он снова навалился на дверь всем своим весом. И вдруг... та с лёгким щелчком поддалась, распахивая путь в прежде недоступный мир. Дом издал чуть протяжный вздох, по которому невозможно было разобрать, одобрение это или... предупреждение.

Глава 3

За порогом действительно был сад — именно такой, каким его совсем недавно описал Сказочник. Трава ласково касалась ног, словно ковёр, сотканный из нежного шёлка. Деревья тянулись к небу, а их пышные кроны колыхал лёгкий, игривый ветер. Воздух был таким чистым, что, казалось, им можно напиться. Вокруг, будто прозрачной вуалью, разливался сладковатый аромат цветов. Где-то вдали журчал ручей. Свет мягко рассеивался повсюду, не оставляя ни одной тени.

Пифундрик первым выскочил наружу. Его полосатый хвост весело скользил по траве, а сам он с восторгом принялся исследовать новый мир: нюхал цветы, зарывался носом в зелень, пытался поймать солнечных зайчиков, которых тут было слишком много, и они, ускользая, взмывали вверх, исчезая в листве.

Сказочник осторожно шагнул за порог и огляделся: всё вокруг дышало, пахло, отзывалось. Знакомые ароматы — цветы, трава, влага — смешались с какими-то новыми, прежде неведомыми, будто мир щедро делился тем, чего он раньше не умел замечать.

— Вот уж кто действительно умеет открывать двери, — с улыбкой сказал он, глядя на Пифундрика.

Тот обернулся. Его янтарные глаза светились радостью.

— Многое открывается само, если не сомневаться, — негромко фыркнул тот, словно приглашая пойти за ним. Пифундрик радостно бежал впереди, а Сказочник шёл медленно, будто опасаясь спугнуть происходящее.

Сад был полон чудес. Вдоль дорожки росли высокие цветы с прозрачными лепестками. Внутри каждого мерцали крошечные огоньки — словно светлячки, забывшие, что им пора спать. Сказочник наклонился ближе. «Что за диковинные цветы?» — подумал он.

И вдруг, как пронзающий темноту яркий луч света, в сознании вспыхнул обрывок какого-то эпизода. Чьи-то руки держат бутон мальвы, ловко складывая из её лепестков куколку крошечной принцессы. Образ был размытым и одновременно пугающе родным, словно всплыл не из памяти, а из глубины тела. Сказочник не мог сказать, видел он это когда-то наяву или просто придумал позже, но знал: это — его.

Эта короткая картина вспыхнула резко и ясно, как пробный кадр из давно утраченного фильма: мир будто на мгновение включил свет, чтобы понять, готов ли он увидеть продолжение и вспомнить больше, чем способен выдержать сейчас.

— Пусть тогда будут мальвы, — тихо сказал Сказочник, — раз я о них вспомнил.

Один из цветков едва заметно качнулся и прошептал:

— Осторожнее... не спугни светлячков. Они ещё видят сны.

Сказочник отступил.

— Ты слышал? — удивлённо спросил он Пифундрика. — Здесь что, даже цветы разговаривают?

— Ну а почему бы и нет? — хитро отозвался Пифундрик.

Чуть дальше цвели астры. Их лепестки напоминали тонкие серебряные нити, а в центре каждого цветка плавала крошечная золотая рыбка. Одна из них выглянула и моргнула Сказочнику.

— Добро пожаловать, путник, — раздался тоненький голосок. — Хочешь загадать желание?

— А если загадаю... оно правда сбудется? — спросил он, почти шёпотом.

— Если желание доброе, — ответила рыбка и, вильнув хвостиком, скрылась в глубине цветка.

—Эй, подожди, а желание? — произнёс Сказочник, видя, как цветок закрывает свои лепестки. — Ну что ж, видно, на сегодня и так было много желаний, — улыбнулся он, следуя дальше по тропинке.

Ромашки в этом саду тоже были необычными: лепестки отливали синим и фиолетовым, а если прислушаться, можно было уловить, как они тихонько напевают мелодию ветра.

Одна ромашка наклонилась к Пифундрику:

— Ты умеешь мурлыкать в такт музыке?

Пифундрик попробовал. Получилось не совсем в такт, зато очень забавно. Ромашки рассмеялись — их смех был похож на перезвон маленьких бубенчиков.

Дальше по тропинке росли ещё более странные растения. Один цветок напоминал миниатюрное дерево, на ветвях которого вместо плодов висели часы — их стрелки вращались в разные стороны.

Другой цветок-дерево имел бутоны, похожие на камеру Обскура: его лепестки сходились, оставляя в центре крошечное отверстие, через которое внутрь проникал свет. Сказочник наклонился и заглянул туда, и на живых внутренних поверхностях лепестков медленно проступили перевернутые картины мира: леса, горы, реки, словно цветок умел улавливать и удерживать саму реальность.

— В этом саду каждый цветок — как отдельная история, — медленно произнёс Сказочник и вдруг понял, что это не мысль, а признание. — Я не придумываю их. Я просто должен их рассказать.

Сад отозвался шелестом, звоном и переливами света, словно соглашаясь. И Сказочник впервые почувствовал, что он здесь не просто гость. Он — тот, кого ждали.

Чем дальше они шли, тем заметнее сад менялся — словно прислушивался к каждому шагу и подстраивался под их присутствие. Вдоль тропинки вдруг выросли цветы, похожие на крошечные зонтики. Стоило солнечному лучу коснуться их лепестков, как они раскрывались, пропуская свет внутрь. Под одним из этих зонтиков пряталась маленькая бабочка с прозрачными крыльями. По ним, словно живые, разбегались и снова собирались вместе разноцветные буквы, хаотично переплетаясь друг с другом.

Сказочник замер на мгновение. Он впервые за долгое время почувствовал тепло, спокойствие и тихую радость. Сердце как будто само нашло место, где можно вздохнуть спокойно.

— Дом... Дом... Дом... — прошептала бабочка, взлетая.

Слово мягко вспыхнуло на её прозрачных крыльях, словно отклик на это новое, тихое чувство.

— Похоже, этот мир слышит не то, что мы говорим... а то, что чувствуем, или то, к чему стремимся, — тихо сказал он сам себе. Наблюдая за бабочкой, Сказочник вдруг понял: здесь не слова оставляют след, а то, что за ними стоит.

Бабочка, словно услышав его слова, обернулась в полёте:

— Скажи то, без чего ты не можешь идти дальше.

Сказочник закрыл глаза на мгновение и произнёс:

— Мечта!

Слово вспыхнуло на крыле бабочки мягким золотым светом — не ярким, но устойчивым, как обещание.

Дальше вдоль тропинки тянулись цветы-колокольчики. Их лепестки закручивались тонкими стеклянными спиралями, а внутри тягучим потоком медленно перетекала светящаяся жидкость. Стоило коснуться такого цветка, как он отзывался тихим звоном — негромким, но точным, будто где-то рядом открыли старую музыкальную шкатулку.

Пифундрик осторожно дотронулся до одного из колокольчиков лапой. Звук разлился по саду — нежный, чуть печальный. Цветы вокруг закачались в такт, а воздух стал прозрачнее.

«Динь... дон... динь...» — плыл перезвон, и вместе с ним в голове Сказочника поднимались смутные обрывки воспоминаний, в которых был дом и ощущение тихой грусти.

Картины вспыхивали и тут же таяли, не успевая сложиться во что-то цельное. Как бы внимательно Сказочник ни вслушивался, память ускользала, касаясь мыслей слишком бережно и не решаясь ранить.

Вдруг из-за куста выглянуло ещё одно удивительное растение. Его стебель был закручен плавной спиралью, а на вершине распускался крупный бутон, похожий на глаз. Этот глаз моргнул и заговорил:

— Я Смотрящая Эхинацея, — прозвучал негромкий голос. — Я вижу не только то, что есть, но и то, что могло бы быть. Ты только что произнёс слово «мечта». Хочешь увидеть её?

Сказочник грустно усмехнулся:

— Сказал. А что, если её у меня нет или она не настоящая?

— Мечта есть у каждого, — мягко ответила Эхинацея. — Иногда она спрятана глубоко, забыта или заглушена страхами, но она всё равно живёт внутри тебя. Хочешь, я помогу тебе её найти?

В лепестках Эхинацеи закружились сцены, которые явно принадлежали только ему. Дорога и солнечный свет, который мягко согревал его лицо. Исписанные листы бумаги и приятное волнение не вовремя настигшего вдохновения, которое заставило бросить всё и быстро фиксировать мысли на попавшемся под руку блокноте. Большая кровать, в которой лежали двое, нежно обнявшись в сладком сне. Ему казалось, что он видел себя живым, сильным, наполненным идей, с ощущением важности того, что делает. Каждый образ был насыщен оттенками радости и безопасности, которые Сказочник то ли давно забыл, то ли никогда не испытывал раньше. И постепенно внутри пробуждалось чувство, что эта мечта однажды может стать его жизнью.

Пифундрик тихо прижался к ноге Сказочника.

— Здесь всё словно дышит вместе со мной, — прошептал Сказочник. — И будто этот сад знает меня лучше, чем я сам...

В этот момент цветы вокруг зашептались, зазвенели, заиграли красками, словно приветствуя его мысль.

Пока они шли, Сказочник стал замечать, что сад подстраивался под его настроение. Стоило подумать о чём-то тёплом и радостном, как вокруг тут же вспыхивали яркие, солнечные цветы, воздух наполнялся ароматом ванили и мёда, а в ветвях раздавалось пение невидимых птиц. Но стоило в душе поселиться грусти или тоске, трава под ногами устало ложилась на землю, цветы склоняли головы, а их лепестки наливались глубокими синими и фиолетовыми оттенками. В такие моменты сад создавал вокруг уютный полумрак, где можно было спрятаться от тревоги.

Пифундрик тоже заметил это:

— Смотри... Когда ты улыбаешься, цветы тянутся к тебе, а когда хмуришься — становятся тише.

Сказочник кивнул, оглядываясь:

— Я думал, мне кажется. Но, похоже, сад и правда живёт вместе со мной.

В этот момент одна из мальв-фонариков вспыхнула особенно ярко и едва слышно прошептала:

— Мы слышим твои мысли. Мы рядом — и когда тебе хорошо, и когда грустно.

Музыкальные астры зазвенели мягче, а Смотрящая Эхинацея наполнилась тёплым ровным светом, словно приглашая не бояться своих чувств.

Сказочник глубоко вдохнул — и сад наполнился лёгким золотистым сиянием. Он понял: этот мир не просто отражает его фантазии. Он откликается. Поддерживает. Согревает. Помогает не терять надежду.

Пифундрик потёрся о его ногу, а Сказочник произнёс:

— Сад — тоже наш друг.

Он поднял взгляд к небу. Три солнца висели над садом, и каждое по-своему освещало охватываемую взглядом землю. На лице Сказочника не отражалось ни страха, ни удивления, словно такие картины были привычными для него. Его сейчас наполняло полное принятие любых чудес и осознание возможности сотворить бесконечные варианты собственной реальности. Одно солнце клонилось к закату, тогда как два других озаряли часть сада, оставляя вторую половину в мягком полумраке.

Сказочник улыбнулся, подумав, что три солнца — вполне подходящее количество для волшебного сада.

— Пожалуй, на сегодня впечатлений достаточно, — сказал он Пифундрику. — Пора домой.

А цветы запели им вслед:

— Домой... Домой... Домой...

Глава 4

Сказочник, сидевший за письменным столом, потянулся в кресле, отложил карандаш и исписанный лист бумаги. Он посмотрел на часы и улыбнулся. В три часа дня, сверившись с часами на стене, он всегда устраивал себе полдник. Это было одно из самых приятных занятий, не считая, конечно, завтрака, обеда, ужина и безграничного созерцания мира.

Всё вокруг менялось. Мутная пелена со стёкол исчезла, пропуская внутрь ясный свет. Двери, долго удерживавшие Сказочника взаперти, были распахнуты, а предметы в комнате словно ожили, аккуратно выстраиваясь и обретая новую, спокойную гармонию.

Всё менялось, кроме молока и плюшки, которые всегда ждали на столе, когда бы он о них ни подумал. Они стали привычным и утешительным ритуалом — с того самого первого дня, когда Сказочник оказался в этом мире, испытывая голод, холод и страх. Но когда именно это было — давно или недавно — он уже не помнил. Как и не помнил, почему ему нравится именно это угощение. Просто точно знал: молоко с плюшкой любил всегда. Но о значении слова «всегда» старался не задумываться.

Всё шло своим чередом: ни быстро, ни медленно, одним словом, безвременно.

— Эх, хорошо-то как! — промурлыкал Сказочник себе под нос, вставая из-за стола, чтобы немного размяться. Рядом на поверхности лежала целая куча разных предметов: цветные листочки, коробки с карандашами, калейдоскоп, в который он часто заглядывал, чтобы увидеть мир в огоньках и причудливых формах.

Сказочник сделал глоток молока и вдруг заметил на столе новый листок бумаги. Тот был голубым, с едва заметным узором, напоминающим облака. Сказочник улыбнулся — в его мире вещи могли просто появляться сами собой.

Он взял карандаш и начал писать. Сказочник не помнил, когда появилась эта привычка. Ему казалось, что она возникла сама по себе, но, возможно, она была отголоском прошлого, хотя он ничего об этом не помнил. Так или иначе, именно его желание писать пробудило Пифундрика, открыло дверь и наполнило мир красками. И это сейчас было единственной вещью, дающей ощущение реальности и того, что он существует. Сказочник не знал, для кого он пишет, но знал, что этот мир ждёт его слова и отзывается на это новыми чудесами.

В этот момент в саду зашевелились деревья, и один из старых дубов наклонился ближе к окну.

— О чём ты пишешь сегодня? — спросило дерево глубоким и немного сонным голосом.

— О том, как главный герой случайно оказался в месте, о котором никогда не слышал, и ищет дорогу домой, — ответил Сказочник, не отрываясь от листа.

Он взял калейдоскоп и повернул его. На стене заиграли переливчатые узоры, в которых отражались разные сюжеты. Но стоило попытаться задержать взгляд на каком-то из них — и они рассыпались дымкой, исчезая прежде, чем можно было уловить смысл.

В этом мире всё шло по своим, неясно кем установленным, законам: что-то появлялось из ниоткуда, что-то исчезало бесследно, но что-то зависело от того, что напишет Сказочник на своих страницах.

Он снова взялся за карандаш и написал:

«Если однажды ты увидишь в своём мире появившийся из ниоткуда стакан молока и маковую плюшку, знай: где-то рядом есть Сказочник, который пишет сказки для тебя».

Он отложил листок и вышел на крыльцо. Слова сегодня не хотели складываться в сказку. Вокруг было тихо, только ветер шуршал в кронах деревьев. Вдалеке возвышалась гора — старая, покрытая мхом, с глубокими трещинами, словно морщины на лице мудреца.

Глава 5

— Добрый день, Гора, — поздоровался Сказочник и помахал рукой.

Гора медленно зашевелилась, её голос прозвучал как эхо в пещере:

— Ты сегодня грустный, Сказочник. О чём думаешь?

— Не знаю. Просто ничего не меняется. Иногда мне кажется, что я что-то вспоминаю, — он задумался. — Может быть, когда-то у меня был дом. Там пахло хлебом...

Помолчав минуту, добавил:

— Но я сомневаюсь. Может, это было, а может, и нет. Мои воспоминания — как фантомы, что мелькают и тут же исчезают, будто их никогда не было. Я пишу — и мир вокруг оживает. Пытаюсь рисовать что-то, кроме молока и плюшки, но ничего не выходит, словно это только для того, чтобы я мог существовать. Когда пишу что-то о себе, своих воспоминаниях — всё исчезает, снова превращаясь в чистый лист. Зачем я делаю это? Не знаю... Но когда думаю о том, чтобы остановиться и перестать писать, рука сама тянется к карандашу, словно неведомая сила управляет ею в этот момент.

Гора тихо вздохнула.

— Тут нет памяти, нет времени — есть только этот мир, — произнесла Гора. — Просто будь здесь, здесь, здесь — эхом отозвалось с вершины.

Сказочник вернулся в дом, сел за стол и снова попытался продолжить писать — так, как он делал каждый день. У ног уютно свернулся Пифундрик. Посмотрев на него, Сказочник вдруг осознал: вот живой символ того, что этот мир подвластен ему. Он пока так и не понял, как управлять этим влиянием, как наполнять пространство целиком и зачем это нужно, но уже ясно чувствовал: каждое движение, каждый звук и дыхание вокруг — отражение в том числе и его мыслей, его фантазий. Все эти чудеса существовали благодаря ему, наполнялись смыслом и жизнью именно потому, что он придумывал их для своих сказок.

— Ну что, Пифундрик, начнём? Может, в этот раз выйдет что-то путное? — И Сказочник приступил к работе.

Он потянулся за чистым листом бумаги, уселся поудобнее и начал представлять, в какой позе и манере мог бы творить в прошлом — набрасывая слова, словно лёгкие штрихи, создающие новый мир. В эту самую минуту внутри снова зажглась искра, и его охватило чувство томящего дежавю.

Сказочник медленно, с затаённой надеждой, начал выводить строчки:

«В комнату входит человек. Он высокий, с тёплым взглядом и доброй улыбкой. Его волосы чуть растрёпаны, а в руках он держит книгу...»

Сказочник замер, ожидая. Но ничего не произошло. Никто не появился. Вся его вера в силу слов, казалось, осталась без отклика, и тишина окутала всё вокруг, оставив наедине с пустотой. Он вздохнул и начал заново:

«В комнату вошёл человек. Он был в одежде путника, но, несмотря на огромный плащ, можно было понять, что под ним скрывается девушка. Прядь волос выбилась из-под шляпы, а кожа рук была слишком нежной...»

Как и прежде, комнату наполнял лишь тихий голос его воображения, а окружающая тишина оставалась неизменной.

Сказочник скомкал исписанные листы и бросил их в корзину. Там уже лежало множество таких же попыток вызвать к жизни кого-то, кто мог бы стать для него настоящим собеседником, другом и тем, с кем бы закончилось одиночество. Ему остро не хватало человеческого общения, которое невозможно заменить бесконечными исписанными страницами. Хотелось делиться всем этим ещё с кем-то, с тем, кто знает, понимает, чувствует так же, как и он.

Сказочник задержал взгляд на корзине и вдруг рассердился сам на себя: «А почему я вообще решил, что рядом со мной кто-то должен быть? Почему жду, что вот сейчас появится рядом кто-то, чтобы выслушать меня, понять, разделить одиночество? Может быть, мне дано это одиночество как наказание за какие-то проступки, которых я не помню, или это мой собственный путь, чтобы я что-то понял и осознал?»

Сказочник подошёл к мутному зеркалу и на мгновение задержал взгляд на отражении. На него смотрел мужчина, чей возраст было сложно определить: в лице смешались юношеская открытость и едва заметная усталость. Волосы тёмные, но среди них отчётливо выделялась длинная седая прядь, падающая на лоб. Ярко-голубые глаза смотрели из зеркала внимательно и немного удивлённо. В их глубине отражался целый мир — и свет, и тень, и нераскрытые истории. Лицо было привлекательным, с мягкими чертами и лёгкой улыбкой, в которой таилась грусть. Сказочник провёл рукой по щеке, словно проверяя, действительно ли это он, и на мгновение показалось, что отражение стало чуть моложе — или чуть старше.

Сказочник вернулся за стол, взял новый лист и начал писать снова, на этот раз позволяя воображению увести себя в сторону:

«Это огромный зверь с мощными лапами, длинным хвостом и пятнистой окраской, напоминал своим гордым видом царя зверей. Но стоило ему опустить глаза и увидеть зелёную траву, он превращался в Фырфырчика — спокойное и ласковое существо, которое с радостью доведёт тебя до гор и обратно, когда бы ты ни пожелал».

Не успел он закончить предложение, как листок засветился, а за окном послышалось фырчанье, в котором одновременно звучало что-то, напоминающее похрюкивание. Розовый Фырфырчик стоял на полянке перед домом. Шерсть переливалась розовыми и золотистыми оттенками на пятнистом теле. Голубые глаза внимательно следили за Сказочником и Пифундриком.

Затем он медленно подошёл к ним, слегка покачивая головой, и мягко коснулся Пифундрика, словно подтверждая своё присутствие. Затем Фырфырчик вальяжно потянулся и расправил перепонки на больших лапах с когтями. Каждое движение казалось размеренным и плавным, словно сам Фырфырчик наполнял пространство спокойствием. Существо подошло к Сказочнику, обнюхало его, издавая странные звуки, а затем опустилось на поляну, словно признавая готовность служить ему.

— Я не знал, что ты так красив и величественен. Но я уже назвал тебя Фырфырчиком. Поэтому привыкай к своему имени, — произнёс Сказочник, мягко прикоснувшись к существу.

Существо одобрительно кивнуло, словно соглашаясь принять имя.

«Странно, все существа, которые появлялись с моих страниц в этом мире, умели говорить. Даже гора — и та разговаривает. А вот Фырфырчик почему-то молчит», — подумал Сказочник, слушая фыркание существа.

«Похоже, мир тоже что-то добавляет или изменяет на своё усмотрение», — продолжал размышлять он, возвращаясь в дом и оставляя за собой на поляне Фырфырчика. Тот вальяжно развалился под лучами тёплого солнца, величаво наблюдая за миром вокруг, как будто оберегая покой и порядок этого уголка сада.

— Вот видишь, Пифундрик, — грустно улыбнулся Сказочник, — живые существа у меня получаются лучше, чем люди.

Пифундрик потёрся о его ногу.

— А почему ты назвал его Фырфырчиком? — спросил Пифундрик.

— Не знаю. Какие-то слова и имена сами появляются на бумаге, словно кто-то их надиктовывает без моего особого участия. Но знаешь, я раньше не задумывался о том, почему существа умеют говорить. Они просто говорили, и всё; я стал думать, что так и должно быть. А вот Фырфырчик, похоже, всё понимает, но не может говорить со мной.

Сказочник снова посмотрел на корзину, полную исписанных листов. «Может быть, чтобы появился человек, нужно не только описать, но и вспомнить... или дожждаться», — пришла мысль.

Вдруг Сказочник почувствовал, что внутри рождается новая история. И словно по воле невидимых сил на столе возник подточенный карандаш и новый блокнот в кожаном переплёте. Он провёл по обложке рукой, словно проверяя её реальность, а затем раскрыл и на первой странице медленно вывел: «Сказочник. Сказки мира грёз».

В голове будто издалека начал звучать проникновенный голос рассказчика, и он начал своё повествование:

«В далёкой-далёкой стране жил мальчик, который не помнил своего имени. Каждый день он просыпался в доме, полном теней и забытых вещей. Но однажды услышал голос — тихий, как шёпот ветра: “Ты не один. Твоя история только начинается”. Ветер, который шептал эти слова, всегда был рядом. Но он был разным: иногда теплым и ласковым, иногда порывистым и даже злым. И тогда мальчик понял, что ветер не один, и дал им разные имена и придумал истории.

На севере жил Борей в тяжёлой мантии. Он мог одним порывом унести человека и разбить вражеский флот. Его боялись и звали на помощь: ветер, который рвёт, но иногда спасает.

Кайкий — северо-восточный шквал. Он не строит планов, просто сыплет градом, ломает стекло и восходы. Про него говорили: “Это не судьба, это просто Кайкий прошёлся не глядя”.

С востока идёт Апельлот, держа плащ, полный фруктов и зёрен. Там, где он пролетает, наливаются сады, созревает хлеб, рождаются дети. Ветер плодов и начала, тот, кто приносит не обещания, а то, что можно держать в руках.

С юго-востока тянется Эвр, укутавшийся в плащ. Он несёт долгие туманы и дожди, от которых клонит в сон и опускаются руки. Но именно его ливни проверяют, что выстоит, а что сгниёт.

С юга выходит Нот, наклоняя сосуд. Вода хлещет стеной: одни молятся о таком дожде, другим он смывает дома. Это ветер — “слишком” во всём: чувствах, слезах, потоке, который может и напоить, и утопить.

С юго-запада играет с кораблями Липс — мальчишка, толкающий корму. Он обожает давать старт: наляжет чуть сильнее — и ты уже в открытом море. Иногда — на пути к дому, иногда — в сторону, о которой даже не думал.

С запада летит Зефир с охапкой цветов. Он приносит весну, любовь и вдохновение.

А на северо-западе ходит Скирон с горшком угля и золы. Он поднимает пепел старых костров, заставляет его лететь по воздуху. Этим теплом можно согреться, но можно закашляться и начать лить слёзы, когда прошлое снова лезет в глаза...»

Сказочник перечитал написанное и внезапно понял: эта сказка не о ком-то другом, а о том, что связано с ним. Сердце взволнованно забилося, и он почувствовал, как лёгкий ветерок прошёл по комнате. В унисон с этим тихим дыханием природы по коже забегали мурашки, а волоски на руках приподнялись — так происходило с ним всегда в моменты сильного волнения.

Сказочник продолжил писать:

«Однажды мальчик заметил, что дверь в комнату приоткрылась, и оттуда появился свет. Он взял в руки карандаш и нарисовал мостик, который вёл в сказку. Тогда дверь открылась, и за ней оказался сад, полный чудесных существ. Мальчик попытался войти, но не смог сделать ни шагу — невидимая преграда толкала обратно. “Чтобы войти, тебе нужно отдать хотя бы одно своё настоящее воспоминание...” — прошептал голос ветра».

Сказочник задумался: сможет ли он когда-нибудь вспомнить что-то из своей жизни?

Пока он был погружен в мысли, по стенам неслышно пронеслись невнятные очертания: они поползли вдоль неровной штукатурки, заглянули Сказочнику через плечо и растворились в темноте за приоткрытой дверью.

Глава 6

Сказочник не заметил момента перехода. Сначала мир просто начал блёкнуть, словно кто-то медленно выкручивал регулятор цвета. Зелёное стало серым, серое — грязным. Листва застыла, перестав шелестеть. Небо словно задержало своё дыхание.

Звук исчез резко — не стих, а оборвался, будто его вырвали из пространства вместе с воздухом. А потом земля под ногами разверзлась — распахнулась, как пасть.

Сказочник падал недолго, но этого хватило, чтобы забыть, как выглядит свет.

Он пришёл в себя, захлёбываясь. Тоннель был узким, вытянутым, словно его выдавили изнутри. Стены сочились чем-то влажным и липким. Эта тёплая, вязкая субстанция стекала по камню, оставляя следы, похожие на жир и кровь, смешанные до однородности. Камень вздувался, трескался, местами пульсировал, как живая плоть под кожей. В его глубине что-то медленно сокращалось, и от этого звук шёл по стенам, как глухой стон.

Воздух был густым и сладковато-гнилым. Каждый вдох приходилось добывать с трудом, будто для последующего могло не хватить силы лёгких.

Сказочник сделал шаг и услышал хруст. Под ногами лежали куклы с перекрученными телами. Разбухшие, словно сделанные наспех грязными руками, тельца всем своим видом отражали страдания за грехи всего мира. У одной вместо глаз — стеклянные пуговицы, треснувшие изнутри, будто за ними кто-то пытался вырваться. У другой рот был зашит толстой ржавой нитью, но ткань вокруг расплзлась, и из шва сочилась тёмная влага. Пальцы были переломаны, вывернуты под неестественными углами, словно ими долго, отчаянно цеплялись за край — и не удержались.

Некоторые куклы были собраны из разных частей, будто кто-то намеренно добивался уродливой асимметрии. Чужие головы. Чужие руки. Чужие ноги. Чужие судьбы, если верить взглядам.

Сказочник понял, что они смотрят. Не просто следят — ждут.

Тоннель тянулся бесконечно, но с каждым шагом становился уже. Стены медленно сходились, будто пространство решало, сколько ещё пути ему отведено. С потолка свисали оборванные куски испачканного тряпья. Они цеплялись за волосы, за плечи, за голову. Один лоскут обвился вокруг запястья и не сразу отпустил, оставив на коже красный след, будто от ожога.

На стенах висели предметы. Сломанные часы без стрелок, внутри которых в агонии всё ещё трепыхалось сердце механизма перед тем, как остановиться навсегда. Детские башмачки, вздувшиеся от плесени, пахнущие сыростью и застарелым потом. Книги без страниц — только обложки, облезлые, с буквами, осыпающимися в пыль.

Сказочник узнал названия. Это были сказки, которые когда-то рассказывал. Миры, которые создавал. Здесь они не просто умерли — их разобрали на части и изувечили.

Издалека послышался шёпот. Повернуть голову назад не позволял охвативший ужас, подмороженный шоковым состоянием. Затем слова стали отчётливее, пока каждое из них не начало ударяться в него, сопровождаясь слышимым дыханием за спиной. Потом — всхлипы, хриплые, надломленные, будто горло давно сорвано. Фразы не складывались в речь, но смысл впивался прямо в голову: «Не получилось». — «Слишком больно». — «Я не дошёл...» — «Почему ты меня оставил?» — «Ты обещал...»

Сказочник зажал уши, но звук шёл изнутри, из костей, из зубов.

В одном из ответвлений тоннеля стояло зеркало. Кривое, грязное, прислонённое к груде кукол. Стекло было мутным, исцарапанным, в трещинах, похожих на паутину вен. Его отражение появилось не сразу. Сначала — пустота. Потом — он. Но не тот.

Глаза были слишком тёмными, без блика, будто в них выключили свет. Белки, испещрённые красной паутинкой сосудов, пожелтели. Кожа — сероватая, натянутая. На запястьях

— старые следы, похожие на зажившие порезы, глубокие, неровные, как от тупого лезвия. Он знал: этих следов не должно быть.

Отражение улыбнулось. Он — нет.

— Ты здесь уже был, — сказала отражение его голосом, слишком близко, слишком правильно. — Просто каждый раз не доходил до конца.

Зеркало лопнуло. Из него вывалились куклы — новые, тяжёлые, ещё тёплые, словно только что вырванные из чьих-то рук. Одна из них повернулась... У неё было его лицо. Слишком точное. Слишком живое.

Сказочник отступил и упёрся спиной в стену. Тоннель задрожал, начал дышать и сжиматься. Стены медленно подались внутрь. Куклы зашевелились, заскребли пальцами по камню, по влажной плоти, по его ногам. Что-то потянуло за одежду. Что-то коснулось кожи — холодное, липкое, как мёртвая рука.

Впереди появился свет. Не яркий — больной, мерцающий, как лампа в морге.

Он побежал. Каждый шаг отдавался болью, будто ноги наливались свинцом. Дыхание рвалось. Шёпот превратился в крик — хриплый, отчаянный:

— Останься!

— Здесь тише!

— Здесь не надо помнить!

— Просто согласись!

Перед самым выходом Сказочник понял главное: это место не хотело его убить. Оно хотело, чтобы он стал его частью.

Когда свет коснулся лица, всё оборвалось. Он резко сел на кровати. Старый дом. Уже знакомые стены. Сердце колотилось так, будто пыталось выломать рёбра. Посмотрел на руки — чистые. Никаких следов. Никакой крови.

— Сон... — выдохнул с облегчением.

На прикроватной тумбочке лежала тонкая тёмная кукольная нитка. Она слегка подрагивала, будто ещё помнила движение.

Сказочник стремительно бросился к керосинке, схватил из ниоткуда появившиеся на столе спички и быстрым движением зажег её, передав пламени остаток этого кошмара, который, как опалённая змея, извивался в его пальцах до последнего.

Он лёг обратно и, опустошённый, уставился в потолок. «Пусть исчезнет, пусть он исчезнет» — пульсировало в голове.

«Почему мне кажется, что я это всё уже видел? Это ощущение липкого страха — его сложно забыть. Я забыл события, но какие-то ощущения и эмоции остались со мной», — размышлял он.

«Пусть исчезнет, пусть исчезнет», — продолжало пульсировать уже во всём теле.

Сказочник встал, подошёл к столу и взял листок бумаги:

«Сегодня я видел кошмар. Мне часто снятся кошмары. Они такие явные, и я уже не знаю, что более реально: моя жизнь в этом странном мире или то, во что я проваливаюсь. Беспамятство — это тут или там? Сегодня я вспомнил слова, от которых мне больно. Они, как острые иголки, впились в меня. Может быть, через эту боль я должен был вспомнить? Но я не помнил. Только боль. Только ужас, страх и это постоянно звучащее: “Пусть исчезнет”».

Он не стал перечитывать то, что написал. Сложив листок, достал коробку, в которой лежала перчатка с запиской: «Не ищи выхода, пока не поверишь». «Может быть, когда-то я смогу собрать из этих обрывков что-то цельное о себе или о том, каким я был когда-то», — подумал Сказочник, проваливаясь в очередной сон.

Глава 7

В один из дней, когда Сказочник с Пифундриком возвращались из сада, дом окружила непривычная, настороженная тишина. Ветер не трогал занавески, скрип половиц будто запаздывал, воздух вокруг казался плотнее обычного, шаги стали тяжелее. А свет от трёх солнц стал ложиться на стены вытянутыми полосами, задерживаясь на них дольше, чем прежде.

На поляне перед крыльцом не было Фырфырчика. Обычно он лежал там, раскинув своё огромное тело, и трава под ним долго не поднималась, храня тепло. Теперь же поляна выглядела непривычно пустой — примятая трава расправилась, будто кто-то аккуратно стёр следы его присутствия.

Пифундрик прижался к ноге Сказочника. Они, осторожно ступая и оглядываясь по сторонам, словно ожидая чего-то непредвиденного, вошли в дом.

В одной из световых полос у дальней стены что-то дрогнуло. Сначала это напомнило те самые образы, что иногда возникали за плечом Сказочника и исчезали за дверью. Но теперь они соединились в единый блик, который начал расти, вытягиваться, будто кто-то изнутри искал выход. В переплетении теней и света постепенно оформлялось нечто — неясное, полупрозрачное, ещё лишённое формы, но уже осязаемое.

Нечто появилось здесь не сразу. Сперва это было лёгкое дуновение, как чужая мысль, случайно забредшая в голову. Но случайная мысль может быть коварной — как червь, который грызёт изнутри, пожирая плоть и питаясь ею, постепенно заполняя собой все. Так и Нечто чувствовало, что тут есть чем поживиться, слишком много мыслей и боли было тут.

Нечто пока не знало, кто оно, но ощущало: ему необходимо стать кем-то. Оно было Сущностью, которую тянуло к теплу, к жизни, к памяти, к тому, что однажды было утрачено. Оно выползло из древних трещин миров, ища того, кто знает его и кто был когда-то с ним связан.

Нечто наблюдало и знакомилась с домом. Оно осторожно коснулось стены, словно попробовав её на вкус: пыльный, с привкусом старого клея и обоев.

— Что ты помнишь? — мысленно спросило Нечто, обращаясь к стене.

Стена промолчала. Но в её молчании хранились тысячи слов, не произнесённых вовремя. Нечто переместилось к столу и провело пальцем по чашке — та отозвалась тихим звоном.

— Что помнишь ты? — повторило Оно свой вопрос.

— Я — память о чае, который так никогда и не был допит, — ответила чашка.

Сущность перемещалась по комнате, пробуя мир на вкус. Каждый предмет отзывался по-своему: плед — мягким теплом, калейдоскоп — разноцветными вспышками света, книги — шёпотом забытых историй, но в каждой из них слышалось одиночество, грусть, разочарование или боль.

— Чего ты ждешь? — спросило Нечто у пледа.

— Я жду, когда кто-то укроется мной и перестанет бояться темноты, — ответил он.

— А ты что видишь? — обратилось Нечто к калейдоскопу.

— Мир, каким он мог бы быть, если бы никто не боялся мечтать, — прошептал он, и в его глубине заиграли огоньки.

Сущность впитывала эти ответы, складывая из них свою первую, ещё неясную историю.

Дом наблюдал за Сущностью. Он помнил её: как она появлялась из ниоткуда, росла, крепчала, обретая очертания и постепенно становясь кем-то. Дом не мешал — напротив, принимал её, как принимают родственную душу или старого знакомого, которого давно не было дома, и сейчас, вернувшись, он оглядывает всё, замечая все изменения, которые произошли за время его отсутствия. Дом был соткан из тех же нитей памяти и забвения, что и Сущность, и потому она была ему ближе, чем любой человек. В её присутствии дом вздыхал чуть глубже, стены становились теплее, а половицы скрипели не от старости, а от радости встречи.

Нечто посмотрело на свои руки — они были прозрачны, но уже несли в себе силу, и провело ладонью по деревянному подоконнику, смотря на след, который там остался. Сущность улыбнулась. В её улыбке не было добра. Это был оскал хищника, который знал, что нужно дать время. Сущность уже поняла: её путь в этом мире только начинается, но то, что она начала обретать очертания, значило одно: это то место, которое она давно искала.

Сказочник замечал лёгкое искажение пространства там, где только что проползало Нечто, но не видел его. Пифундрик по-звериному порывал, ощущая беспокойство. На какое-то время они оба застыли, прислушиваясь к напряжённой, почти звенящей тишине.

Сказочник и Пифундрик не слышали ни голоса Сущности, ни шёпота предметов — всё осталось только в тонких колебаниях воздуха.

Нечто, проползая мимо Сказочника, втянуло в себя его запах, как собака, нашедшая потерявшийся предмет. Она знала этот запах, он принадлежал ей, она нашла его. И Сущность, довольная тем, что последняя трещина оказалась той самой, которая привела её в этот мир, растворилась в воздухе, словно дымка.

В дом вернулись обычные звуки — поскрипывание деревянного пола, тихий шелест занавесок, далёкое щебетание птиц. Сказочнику стало легче на душе: напряжение спало, а лёгкая тревога уступила место спокойствию. Пифундрик, ощущая это, тоже успокоился и, громко вздохнув, устроился рядом.

Свет выровнялся, полосы на стенах распались, будто ничего и не было. Но дом уже не был прежним. Где-то между его стенами поселилось ожидание — тихое, терпеливое, уверенное, что время всё расставит по местам.

Фырфырчик появился на поляне внезапно, словно и не исчезал никуда. Встряхнул шерсть, сбрасывая с неё траву и пыльцу, потянулся и улёгся на привычное место, будто и не уходил вовсе.

Присутствие Фырфырчика возвращало ощущение устойчивости, но не стирало следа неуловимого чужого присутствия. Сказочник пытался не придавать значения возникшей аномалии, однако что-то подсказывало ему: в этом мире ничто не возникает просто так.

Глава 8

Теперь, каждый раз возвращаясь после прогулки, Сказочник издалека начинал высматривать большую фигуру Фырфырчика. А заметив её, сразу успокаивался, словно получая подтверждение тому, что вокруг всё спокойно.

Сегодня всё выглядело привычно, но тревога всё же не отпускала. После того случая, когда исчез Фырфырчик, а в доме стало холодно и неудобно, словно там кто-то был, его не оставляло ощущение постоянного присутствия чего-то инородного.

Но не только чужое присутствие ощущал Сказочник. Дом тоже вел себя иначе: он не просто принимал его присутствие — он его учитывал и, возможно, даже помогал. Пиджак, в котором Сказочник впервые оказался в этом доме, висел на крючке в прихожей, хотя он точно помнил, как оставил вещь на кровати перед прогулкой. Старая, когда-то и кем-то забытая обувь стояла аккуратно, носками к стене.

На кухне бросалось в глаза небольшое, но странное изменение. Раньше молоко стояло только в кружке, а теперь — в кувшине, который словно кто-то заранее приготовил к его приходу.

Сказочник медленно прошёлся по комнатам, будто ненароком заглядывая за каждый угол и ожидая увидеть неожиданного гостя, который так старательно наводил тут порядок. Но дом оставался пустым, тихим и безмятежным.

Он подошёл к письменному столу. Карандаши на нём были разложены по оттенкам, хотя Сказочник точно не делал этого сам. Тут же лежал предмет, которого он раньше не видел в доме — тонкая деревянная рамка без изображения. Он аккуратно взял её и отнес к коробкам, всё также теснившимся в углу.

Первая коробка, в которой он когда-то обнаружил в куче хлама перчатку с запиской, стояла открытой, а вот до остальных так и не добрался. Сказочник каждый день обещал себе это сделать, но это так и оставалось намерением, словно что-то не пускало его туда, находя куда более важные дела, чем разбор старого хлама.

Он еще раз обвёл взглядом своё жилище, пытаясь найти новые изменения, и взгляд скользнул по стене. Развешенные картины в массивных рамах оставались размытыми, но силуэты внутри них сместились: линии больше не были хаотичными, они словно искали форму.

Сказочник не мог найти ответа на вопрос, зачем дом всё это делает, но его не покидало ощущение: дом к чему-то готовился.

Он ещё раз обошёл комнату и, тяжело вздохнув, сел у стола и достал свой блокнот. Писать не хотелось, и Сказочник стал перечитывать написанные ранее строки. Он читал свои сказки и улыбался. В такие минуты ему было тепло и очень хорошо. Ему казалось, что эти строчки — именно то, что он когда-то хотел написать. Сюжет увлекал и уносил всё дальше и дальше в волшебные миры, которые он писал и создавал одновременно.

Когда второе солнце уже склонилось за горы, Сказочник услышал лёгкий шелест у окна. Он выглянул и увидел, как по садовой дорожке к дому приближаются цветы. Они шли, покачиваясь, словно танцуя под музыку вечернего ветра.

«Что это за чудеса такие! Они не только разговаривают, но ещё и ходят. Хотя... Кажется, я где-то уже писал о таком», — мелькнула догадка в его голове.

— Добрый вечер, — вежливо поклонилась самая высокая мальва. — Мы пришли послушать сказку.

— Что же вам рассказать... — задумался Сказочник, глядя на своих гостей.

Цветы, покачиваясь, терпеливо ждали, словно понимая, что время сказки требует тишины.

— А давайте я расскажу вам сказку о чашке с трещиной, — наконец произнёс он и неспешно начал.

«Давным-давно в одном доме жила фарфоровая чашка. Она была самой обычной, но однажды на ней появилась тонкая трещина. С тех пор чашка грустила: ей казалось, что она больше никому не нужна. Люди, которым она служила, выбирали целые, гладкие и блестящие варианты из того же сервиза, что и она.

Однажды в дом пришёл человек, который любил всё необычное и немного забытое. Он выбрал именно эту чашку, налил в неё тёплого молока и сказал: “Ты особенная. Твоя трещина — это не недостаток, а история. Ты слышала много разговоров и хранила в себе тепло рук, которые к тебе прикасались”.

После того раза человек всегда стал пользоваться ею: на кухне во время трапезы, в кабинете за письменным столом, тихими вечерами в гостиной в кругу близких или в одиночестве, устроившись в кресле и раздумывая о своих историях. Чашка была с ним постоянно, становясь немым свидетелем всего, что с ним происходило. Она видела, как он смеялся, как грустил, как растворялся в своих мыслях, и чувствовала себя нужной, потому что была частью этих мгновений.

Однажды человек исчез. Чашка осталась одна на полке и долго-долго жила воспоминаниями о тех днях. Её забрали и поставили в сервиз, где она стояла рядом с другими чашками. Её больше никто не брал в руки, а она продолжала хранить память о нём — о том, кто однажды сделал её особенной.

Но прошло время, и она почувствовала руки, которые прикоснулись к ней, достав из шкафа. Она была так счастлива! Она снова нужна! Но в этот момент её мир разлетелся на мелкие осколки. Люди не хранят долго то, что никому не нужно. Чашка была никому не нужна, и её просто выбросили. Но она не знала об этом. Она была счастлива, распадаясь на множество осколков, в каждом из которых хранилась память о том человеке и ощущение собственной особенности».

Сказочник замолчал, а в комнате воцарилась тишина. Цветы переглянулись, их лепестки слегка дрожали.

— Какая грустная история, — произнесла ромашка, пряча лепестки.

Сказочник улыбнулся:

— Истории не всегда радостные, они бывают и грустными.

— А если бы у чашки не было трещины, тот человек взял бы её? — вдруг поинтересовалась астра.

— Я думаю, что он взял эту чашку специально, потому что она была ему дорога как память о близком и любимом человеке, — задумчиво произнёс Сказочник.

Цветы притихли, словно задумавшись о близких и любимых.

— А что такое любовь? Это когда тебя не оставляют, даже если ты не нужен? — неожиданно спросила Астра.

— А как понять, что тебя любят? — тихо добавила ромашка.

— А ты когда-нибудь любил, Сказочник? — заглянула ему в глаза самая маленькая мальва.

Сказочник замолчал. Он хотел ответить, но слова застряли в горле. Вспомнить бы, кого он любил, кто любил его... Но всё ускользало, как туман.

— Я... — начал он, но понял, что не может ответить. — Не помню. Может быть, когда-то... наверное. Но сейчас — не знаю.

Цветы слушали очень внимательно. Их лепестки зажглись мягкими огоньками — не от радости, а от тихого сочувствия.

— Мы будем тебя помнить, — пообещала ромашка. — И ждать, даже если ты забудешь про нас.

Сказочник улыбнулся, чувствуя, как становится теплее на душе.

— А можно мы тоже будем хранить чьи-то истории? — спросила самая высокая мальва.

— Конечно, — ответил Сказочник. — Каждый из вас хранит целый мир: запахи, цвета, воспоминания о лете и сказках. Пока вы здесь, ваши истории будут жить вместе с моими.

Цветы зашуршали, в их лепестках вспыхнули новые огоньки.

— А мы не исчезнем? — вдруг спросила астра, тревожно колыхая листьями. — Ты будешь о нас помнить?

— Буду, — просто ответил Сказочник и улыбнулся. — Вы всегда рядом, озаряете каждое утро, которое я здесь встречаю. Вам нечего бояться.

Цветы поблагодарили Сказочника и, покачиваясь, вернулись обратно в сад.

Дом снова опустел. Сказочник ещё долго сидел в тишине и наблюдал, как за окном сгущаются сумерки. Он чувствовал, как в душе поселилась тихая, светлая грусть — ощущение одиночества, мягко обволакивающее сердце, с лёгкой пустотой, в которой теплилась память о недавней встрече с цветами.

Сказочник прошёлся по дому, поправил плед на кресле, зажёл свечу в коридоре, чтобы было не слишком темно. Остановившись у окна, посмотрел на сад, где светлячки медленно плясали в темноте.

Луч свечи выхватил из полумрака тонкий след пальца, оставленный на подоконнике.

— Завтра займусь уборкой, — решил он.

А в это время Нечто, притаившись за углом двери, наблюдало за Сказочником. Оно слышало историю про чашку, ловило грусть и тоску в его словах. Но этого было слишком мало, чтобы получить очертания и стать тем, кем Сущности предстояло переродиться.

Глава 9

Книга, над которой Сказочник трудился уже много дней, стала для него основным большим делом — единственной задачей, придававшей смысл каждому прожитому моменту.

Он тщательно подбирал слова, продумывал линии сюжета, а мир вокруг реагировал: иногда тихо мерцал, иногда внезапно преображался, словно подсказывая, куда следует вести историю дальше. Каждое написанное предложение становилось частью живого полотна, которое он сам создавал.

Как и прежде, Сказочник пытался понять, как его слова оживляют этот мир. Множество фраз почти не оставляли следа, проявляясь лишь лёгкой дрожью воздуха или изменением атмосферы в доме и саду. Но появление Пифундрика, Фырфырчика и обитателей сада было неоспоримым подтверждением: его мысли и истории способны принимать форму, оживать и существовать отдельно.

Сказочник догадывался, что этот мир — словно мост между разными реальностями, переходное пространство, по которому проходят события, скрытые от обычного взгляда. Но как именно это работает, понять не мог. Он был убежден, что этому миру нужен он, Сказочник, чтобы питать его новыми красками, добавлять новые образы, особенно когда кто-то или что-то его покидает.

Предметы, наполнявшие дом, постепенно превратились для Сказочника в декорации, обрамлявшие его новую действительность. Он любил разглядывать их, улетаая мыслями в зарисовки историй, где эти вещи становились неотъемлемой частью чьей-то повседневности. На полке стояла та самая фарфоровая чашка с трещиной, о которой он сложил сказку. Рядом лежал калейдоскоп — уже привычный спутник, играющий огоньками и дразнящий воображение в минуты поиска вдохновения.

Он знал, где что находится, и почти не задумывался об этом — движения стали привычными, точными. Стал чаще задерживаться у предметов, которых раньше не замечал. Помимо вещей, которыми пользовался каждый день, Сказочник стал рассматривать и остальные: подходил ближе, брал их в руки, переворачивал, ставил на другое место. Он отмечал потёртости, сколы, следы времени, запоминал, как именно лежит каждая вещь. Некоторые предметы всегда оставались недвижимыми, другие — всякий раз оказывались в новом месте.

На подоконнике стояла фарфоровая балерина. Она была застывшей, но в этой позе ему чудилось напряжение. Казалось, стоит отвернуться и снова взглянуть — и она уже окажется в другом повороте, на долю секунды ближе к началу танца. Сказочник иногда нарочно задерживал взгляд, проверяя, не сдвинется ли балерина сама.

Особое место занимала старая пишущая машинка. Сказочник не раз садился за неё, вставлял лист и нажимал на клавиши — сначала осторожно, затем настойчиво. Но машинка упорствовала: ни одна буква не появлялась на бумаге. Она словно отказывалась принимать чужие слова, храня в себе что-то своё, ещё не готовое быть сказанным.

Сказочник устроился на широком подоконнике у окна, прислонясь спиной к стене и скрепив руки на груди. В такие минуты он словно выпадал из настоящего. Он не испытывал одиночества — это напоминало скорее столкновение с границей самодостаточности. И тогда возникал вопрос: из каких побуждений вообще должно рождаться то, что он делает? Достаточно ли привычки и дисциплины, или в основе всё-таки должен быть порыв?

Он хорошо знал: порыв не возникает сам по себе. У него должна быть причина, направленность, необходимость вырваться за пределы замкнутого круга. Сказочник перебирал возможные объяснения и снова приходил к одному слову, которое раньше существовало для него лишь как понятие, а не как опыт, — «любовь». Он пытался понять, как охарактеризовать это

чувство: из чего оно складывается, где начинается и куда исчезает, когда о нём перестают говорить вслух.

«Может, любовь — это когда каждый вечер вытираешь пыль с подоконника, чтобы просто проявить внимание к окружающему пространству? — подумал он и едва заметно усмехнулся. — Или когда ценишь то, что у тебя есть? Чашку с трещиной, старый плед, стол, который скрипит, если опереться на него чуть сильнее обычного... Или когда хранишь в памяти однажды сказанное тебе спасибо — как нечто хрупкое и важное? А может, любовь — это забота о том, что ты создал сам: о своих историях, о доме, о саде».

Сказочник не был уверен, что вообще умеет любить. Он посмотрел на стопку исписанных листов и вдруг подумал: возможно, он просто боится забыть, что всё это — часть его самого. И, может быть, любовь именно в этом — в упрямом нежелании забывать.

Понимание того, что этот мир живёт, пока он пишет, в эту минуту не вдохновляло — оно обязывало. Создавать означало не просто продолжать, а отвечать за само существование созданного, за его хрупкую зависимость от его воли. И сейчас во всей созданной им упорядоченности проступало беспокойство. Сказочнику стало казаться, что в этом мире отсутствует то, что не связано с задачами, привычками или необходимостью. Всё, что делал он до этого момента, имело функцию, но не имело понятного адресата.

Сказочник взволнованно подошёл к старой пишущей машинке, провёл пальцами по холодным клавишам, прислушался к тишине и вставил чистый лист в надежде, что сегодня машинка откликнется. Попробовал напечатать первую строчку, но машинка упрямо молчала. Ни одна буква не отпечатывалась, раздавались только тихие щелчки, оформляющие пустоту.

Машинка не спешила с ответом, и в этом промедлении он видел одновременно и вызов, и дар: способность создавать новое требует не порыва, а решимости продолжать, даже когда результат не приходит сразу.

Сказочник вздохнул и сказал вполголоса:

— Ну что ж, значит, карандаш.

Он вернулся к письменному столу, взял карандаш и стал писать. Слова ложились легко, будто сами находили дорогу:

«Любовь — это когда ты помнишь даже то, чего не можешь вспомнить».

В этот момент Сказочник понял: даже если он не помнит, любил ли когда-то, то может любить сейчас — этот дом, этот мир и каждую новую историю, которую ещё только предстоит рассказать.

Любовь для него не была прошлым опытом или чужим чувством — она была возможностью, которую он мог дать самому себе и миру через слово. Каждая строчка, каждый образ становились доказательством того, что создавать — значит заботиться, что любить — значит не ждать, а действовать.

Он достал с полки калейдоскоп и поднёс его к глазам. Перед ним разлетелись мерцающие узоры.

— Может быть, и я сам — всего лишь узор в чьём-то калейдоскопе? Что, если однажды я исчезну? — прошептал он в тишину и добавил шёпотом: — Останется ли что-то от меня в этом мире?

В ответ в доме что-то едва слышно заскрипело — может быть, это часы перешли в новый час, а может, дом решил напомнить: пока здесь звучат истории, пока кто-то ждёт и помнит, исчезнуть невозможно.

В ту ночь Сказочник долго не мог уснуть. Мысли о словах, о каждой строчке, о том, как они держат мир, не отпускали его. Создавать — значило оставлять след, а любить — давать жизнь тому, что ещё не произошло.

За окном сад дышал темнотой, а где-то в глубине дома Сущность, затаившись, слушала мысли Сказочника, и её тело жадно пульсировало, когда улавливало мысль с горьким привкусом горечи и сожаления.

Сон пришёл неспешно, унося Сказочника в зыбкие пространства памяти. Он шёл по длинному коридору, стены которого были покрыты детскими рисунками. Остановившись у замка, нарисованного разноцветными мелками, он увидел, как по красочному фасаду, оплетая синие башни, потянулись корни деревьев, а к самому замку стали слетаться монстры с жутким оскалом. Вдруг он почувствовал, что кто-то дышит в затылок, и бросился бежать. Коридор упирался в дверь, за которой слышался голос, зовущий домой, но сколько Сказочник ни дёргал ручку, дверь упорно оставалась закрытой.

Проснувшись, он долго смотрел в окно, будто пытаясь разглядеть в утреннем тумане ответы на свои сны. Кошмары снились часто, и Сказочник даже привык к ним. Но каждый раз, проснувшись, он как ребёнок радовался, что это был только сон.

Сказочник встал и вышел в сад, вдыхая всей грудью утреннюю прохладу. Вдруг сквозь лёгкую дымку его внимание привлёк небольшой предмет, лежащий на дорожке перед домом. Он наклонился и замер... Это был обычный мелок, которым рисуют на асфальте, а рядом на земле осталась едва заметная линия, словно кто-то пытался что-то изобразить.

В задумчивости Сказочник вернулся в комнату. «Кто ещё, кроме меня, может рисовать в этом мире?» — размышлял он, чувствуя, как веки слипаются и его опять затягивает в омут ночных сновидений.

Глава 10

Сказочник снова оказался в том же сне, из которого недавно вышел. Брёл по тоннелю, а когда тот закончился, он упёрся в нечто, что выполняло роль двери. Сплошное деревянное полотно было тёмным, рассохшимся, местами покрытым тёмно-болотными, гниlostными пятнами плесени. На поверхности блестела липкая влага, словно дерево потело.

Ручки не было — только отверстие. Он погрузил в него кисти. На пальцах и ладонях остались мокрые тёплые следы, будто рука была просунута в живую плоть.

Дверь скрипнула и распахнулась. В нос ударил резкий металлический запах ржавчины, смешанный с чем-то гниющим и сладковато тухлым. «Опять!» — в отчаянии крикнул Сказочник, не в силах просунуться.

Он шагнул вперёд. Стены, пол и потолок были выкрашены в чёрный цвет, под потолком — одинокая тусклая лампочка. Пол был усеян всевозможными предметами. Деревянные игрушки — вагончики, солдатики, маленькие лошадки, пирамидки, погремушки, зверята — хаотично валялись повсюду так плотно, что нельзя было сделать и шага, не наступив на них.

Все они были изувечены: какие-то треснутые, другие сломанные, третьи подпаленные огнём, исколотые, измазанные чем-то липким. Мягкие игрушки выглядели изодранными: их мех частично был выжжен или стёрт, а места с отсутствующими частями тел грубо зашиты толстыми нитками, стянувшимися до рубцов. На полу валялись кубики с буквами, обломки конструктора и обрывки книжных страниц — так, словно кто-то рвал их в отчаянии.

Одеяло было натянуто слишком ровно, неестественно аккуратно, по всему периметру плотно подоткнуто под тонкий матрасик — будто кто-то долго и старательно выравнивал каждый уголок. Под ним что-то шевелилось: ходило медленными, упрямыми волнами, словно упираясь маленькими локтями и коленями, цепляясь пальцами за ткань изнутри. Иногда движения замирали, и наступала липкая, вязкая тишина. А потом из-под одеяла следовал резкий, судорожный толчок — как если бы что-то упёрлось в ткань всей силой, пытаясь прорвать её, вылезти наружу. Скользя под одеялом туда-сюда, оно меняло форму: то вытягивалось длинным, тонким силуэтом, как змея, то вдруг становилось короче и шире.

В какой-то момент на внутренней стороне одеяла проступил чёткий отпечаток — маленькая ладонь и тонкие, ненормально длинные пальцы. Они медленно, почти ласково проводили по ткани изнутри. И вдруг оно начало плакать... Взрослым голосом, тщетно имитирующим детский плач: сухим, хриплым, надтреснутым, который из всех сил пытался подражать крику младенца. Он ломался на высоких нотах, фальшиво тянул всхлипы, будто кто-то, никогда не слышавший настоящего ребёнка, пытался угадать, как это должно звучать. Иногда голос срывался на низкий, почти мужской тембр — и тут же снова взлетал к пронзительному карикатурному всхлипыванию. Кроватка всё сильнее подрагивала, скрипя прутьями, а под одеялом продолжались шевеления.

Замерев от увиденного, Сказочник быстрыми, мелкими шагами двинулся к ещё одной двери на противоположной стороне комнаты. Деревянные игрушки заскрипели и со стоном начали сдвигаться под его ногами, мягкие зверушки стали издавать глухой плач и хрипящие звуки задыхающегося нутра, обрывки бумаги зашевелились, как живые. Нечто в кроватке завопило пронзительно громким, раздирающим слух криком.

Вторая комната. Зеркала. Стены, пол, потолок — всё сплошь отражало, так что границы пространства терялись. Но отражения не совпадали: в одном он увидел себя ребёнком — с пустыми, чёрными глазницами. В другом — стариком, кожа на руках которого была разодрана до мяса, уже отдававшего серым налётом. В следующем отражении его обезображенные губы были настолько потрескавшимися, что напоминали пересохшую землю, из трещин которой

сочилась кровь, затем стекала по подбородку и капала на невидимый пол. Отражения то шевелились независимо от него, наклонялись, двигали руками, как живые, то замирали.

Одно отражение медленно подняло руку и коснулось стекла изнутри. То треснуло, холодный удар прошёл по позвоночнику, словно ледяная рука впиалась в спину. Густой запах гнили и железа усилился.

Сказочнику очень сильно захотелось найти выход отсюда. Как только он об этом подумал, в дальней стороне зеркального пространства появилось тёмное, круглое, как нора, пятно, не замурованное зеркальной поверхностью. Зеркала по сторонам дрогнули, отражения исказились: в каждом он видел, как его собственное тело то раздувается, то ссыхается, ломаются кости, выворачиваются суставы. За спиной что-то потянулось — длинные чёрные тени, тянущиеся из зеркал, цеплялись за пятки, за лодыжки. Они шевелились, как живые щупальца, и в одном из отражений Сказочник успел заметить, как одна из теней уже тянется прямо к его шее, повторяя зловещее: «Ты наш. Ты наш-ш-ш. Мы нашли тебя».

Он стремительно пригнулся и нырнул в крошечный мрак тоннеля — единственный путь к бегству из этого места. Где-то позади, в стеклянной ловушке комнаты, что-то продолжало шептать: «Ты наш-ш-ш. Мы нашли тебя».

Третья комната. Пространство здесь словно кто-то переломал и сложил заново — без намёка на симметрию. Стены сходились под неправильными углами, периметр распадался на острые, режущие глаза изломы.

Сломанная мебель вперемешку с обломками досок вплотную облепила глухие стены, формируя узкий, извилистый проход. Остальная мебель была навалена друг на друга тяжёлой, безумной кучей, уходящей в темноту, к недостижимому потолку. Шкафы кренились под углом, лежали боком, вверх дном. Дверцы их были распахнуты, а внутри зияла одинаковая пустота — как если бы когда-то здесь всё тщательно вынули, вытряхнули до последней мелочи, а потом просто швырнули корпуса в кучу, застроив ими сам воздух.

Узкий коридор из мебели то расширялся на полшага, то снова сжимался так, что доски и спинки стульев впились в рёбра. Местами он полностью перекрывался: то поперёк застрял перевернутый стул с вывернутыми ножками, то упал на бок тяжёлый стол, то сверху нависал шкаф, у которого одна створка беззвучно раскрывалась, стоило к нему приблизиться. Чтобы пройти дальше, приходилось лезть вверх, боком протискиваться между спинками и полками, карабкаться по гладким, неудобным поверхностям, постоянно рискуя сорваться вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.